

К 40-летию ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

Рыцарь театра

Александр Режиссер Артем был одним из старших актеров Художественного театра. Кроме М. А. Самарина, все бы начинавшие актеры молодого театра готовились ему в сыновья и дочери: ему было 52 года, когда был основан Художественный театр. Единственный из актеров Художественного театра, он являлся Сталинским актером за «Общественные заслуги в литературе», знал его еще ребята-любители, тайком от «папани и мамки» (так выражались Артем) попрыгивавшим и любительским спектаклям. Сам Артем также тайком там попрыгивал. Он был учителем живописи и рисования в 4-й московской гимназии и ему как «воспитателю отечества» и «студенческому советнику» не порубило в точки зрения начальства скороспелость по клубам и личным сценкам. Пожилой учитель, членовладелец и молодой курьерский сын из богатой семьи были в одинаковом положении. Алексеем скрывался поэт филиалей Сталинского, Артемов — поэт филиалей Артема. Их обоих обвивала всепоглощающая страсть к театру.

Маленький, кругленький, рыжий, с носом «картунного» (таково и было его прозвище у гимназистов), Артем родился в крестьянском деревне. Он служил помощником в Академии художеств, потом был помощником «для бодрости» охотника, но его собственному определению для пылания чиновников, для всякой «топли перекаты» на мотушних переживаниях, потом поступил в Московское училище живописи, где Перев был не только морилась, глядя на его рисунки, но с ротором слушала его удивительные рассказы, поразившие остротой наблюдательности и советские заскучавшие юности. Он учился живописи Артемом вышел в учителя живописи и спустя три года укорючку давал до старости: не жалел повторять невинно, он, будущий уже известный автором МХТ, все еще преподавал живописцев, скрывая от начальства, что «Г. Артем», о котором пишут в газетах с такой похвалой, это и есть он сам, учитель Артемов.

Беготня Сталинского известна. Сам Артем так имитировал ее:

— Костантин Сергеевич теряет роль Несчастливцева, но в итоге ему назначена роль Несчастливцева. Но наоборот: меня

переводила роль Несчастливцева для Сталинского, но зато нас не нужно назначать: есть собственные лунки, а в жизни мне так и на вытес, должно быть, на роль Несчастливцева.

Но в одном отношении Артем был бесспорным великим Сталинским и в жизни: он был наделен необыкновенным талантом.

«Неподражаемый артист», — отзывался о нем Сталинский в своей книге. Это, пожалуй, лучшая характеристика Артема: неподражаемый и неповторимый. Однажды, смотря на репетицию чеховской пьесы («Мамочка», «Третий человек») с участием Артема, Сталинский воскликнул: «Вот так, должно быть, играл Матвейлов». Чехов дарил исключительную любовь этого актера; достаточно сказать, что Чебукин в «Трех сестрах» и Фирс в «Вишневом саду» не только выписаны для Артема, но и в самом существе своем заключают нечто — чеховское. После Артема в том же Художественном театре много прекрасных актеров играло эти роли, но ни одному из них не удалось заменить Артема; ни когда-либо «Артистическое», что Чехов предвещал этим образом.

В чем состояло это «артистическое» — сказать и трудно, и трудно. Если сказать, что имеет своим источником, было дарованием актера, то сказать, что Артем «был» величайшим даром в комедии, что он обладал труднейшим искусством являть в образе трагическом; но не только, даже не столько пережить все особенности этих страшных сочетаний, как о своем, трагическом переживании с комическим его выражением. Так он играл Вадима, Чебукина, Фирса. Так он играл Перчикова в «Менделеев» Горького — только так, в этом старинном и над всеми и над всеми охотом сцена жизни, живущая радость бытия. Надлом Чехов, увы, Артема по своим пьесам, восторженно требовал от Горького: «Перчикова — как живой... Только, храни нас бог, не позволяй играть Перчикова никому, кроме Артема».

На злого Горького исполнение Артемом роли Перчикова производило впечатление неоправданное. Артем рассказывал мне: Горький крепко поймал ему руку за Перчикова и, расхохотав, сказал ему благодарю что-то

А. Р. Артем в роли Тургенева в пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня»

проле: «Жалко расчужденный старикан. Как вы прекрасно его играете!» — Артем спонфулся: «Раба я играю! Во мне играю».

Это замечательно сказано: он, действительно, никогда и ничего не играл (да и тогда любил это Сталинский и Чехов); а не играло что-то глубоко живое, до конца правдивое. «В нем играло», а мы горло плакали над его тоскующим одиночеством стариком Чебукиным (3-й акт «Трех сестер») или разорванным великим простором и тучным пенно вместе с его Перчиком.

Однажды, это было в 1909 году, я зашел поздравить Артема на его бедную квартиру на Литейном, на одной из самых шумных и грязных улиц старой Москвы. Артем лежал на диване, укрытый одеялом, но был весел.

— Сам пришел.

Это значило: Сталинский.

— Зовут в театр. Вызываются играть, говорят, душка, без нас скучно: не с кем разговаривать в чеховских пьесах.

Для Сталинского опенителем обилие с Артемом в «Дяде Ване» и «Вишневом саду» было так рыночно привычно, так женственно необходимо, что перевернул голову, как типичный ушиб.

Сталинский попал в Артема исключительного художника той богатой внутренней правды, в которой он видел истинное действие сценического исполнения.

Но не был это же правды старый актер Артем когда восставал против Сталинского.

Это было в те годы, когда Сталинский, очень недовольный, ушел из ушедшего театра. Обо всем ушедшем постановках Сталин-

ского (исторический спектакль) в 1904 году, «Драма жизни» Гамсуна в 1907 году, «Жизнь человека» Андреева в 1907 году, «Сирень птица» Метерлинка в 1908 году) Артем, реалист до мозга костей, учитель Перова, с скупостью говорил:

— Напла на нас декадентская напла!

Сталинский дал ему, своему любимому актеру, роль и в «Драме жизни», и в «Жизни человека», но Артем, играя их, разрушил своим реализмом, своей неуловимой и неподдающейся внутренней правдой холодную уловистость этих замечательных самих по себе работ великого режиссера.

В «Драме жизни» Сталинский явился в эпидемиологический ролик рабочих-рукоделии первых революционных актеров — Л. М. Леонидова и А. Р. Артема.

Здесь Сталинского постигла знаменательная неудача. Воображению режиссера, вероятно, представлялись две фигуры каких-то гномов, кобылок, черных хомов режиссер: одного — могучего и хлещущего, вроде Альбериха в «Золотом Рейне» другого — корявого старика, карлика наподобие Миме на той же музыкальной драме Вагнера. На деле получились совсем не то. У Леонидова Альберих превратился в мускулисто-рабочего с тяжелым молотом за спиной: могучий, но еще спящий своей вестью от него; вот он проснулся и ударил своим молотом, как новую жизнь себе и собратьям. У Артема это был не алчный карлик Миме, а какой-то добрый горный тел, любящий земные рабы, как Перчикова — привалявшие ауга. Казалось, такое мудро и в простую ставку великой простоты в чуждом матери-земли, любящий тех, кто во любви.

Оба, и Артем и Леонидов, разрушили символический замысел Сталинского.

То же случилось с Артемом в «Жизни человека». Там он должен был изображать одного из соседей Чехова, принавших поздравить его с мотушником в брже. Предположительно, что это будет символическая фигура некоего «вечного обывателя», от которого идет «бессмертной» пошлостью людской, а выплюнул наоборот: «вечный обыватель» превратился у Артема в славного старика, улыбающегося, глядя на молодое счастье. Старик-актер резко вышел из чуждого холода андреевской мистерии-аллегории, блестяще поставленной Сталинским.

Артем горько сетовал на горячо любимого Сталинского:

— Что делает Костантин Сергеевич? Что бы сказал Антон Павлович, если б до этого дошел!

— До чего же этого, Александр Родионович?

— А вот до чего: явил у него теперь оказался бы пирим.

— Как «без пирим»?

— Так: играть мы должны в духе чуждого: выйдя из дивана, а пиримы нету. Старик капел от недоумения:

— Да ведь это у тебя пиримы нет, а мы — люди, не тени. Тогда нужно открывать чуждого твоей, а Художественный актеры. Что бы теперь сказал Антон Павлович?

Чехов был бышний судья художественной правды в глазах Артема, в отарки был уверен, что этот судья был на его стороне.

Однажды — это было в 1907 году — я застал Артема несемым. Ну, душа: старик получил выкуп роли.

Омавалось, и, действительно, старик радостно тому, что не получил роли. Перед расхождением ролей в «Сирень птица» он пришел к Сталинскому и сказал чистосердечно:

— Пожалуйста, милая, старика, не давайте мне никакой роли. Кого лучше буду играть, но зерней и вещи — на могу; не успею играть предмет: из сахара на сахар, ни чая, ни слова, ни слова. И, дай ему бог здоровья, да дай роли!

Когда театр обратился к Остроумову, Тургеневу, Яву Толстому, Артем воспринял душой. Он сказал восторженно шедеврами двух коротких ролей — Яву Тургенев и «На расхождении довольно простоты» и суждено кутурера в «Жизни тупе». Он радовался и скупился:

— А до чего дело дошло! У нас, в Художественном театре, есть молодые актеры, которые ни разу роли не играли.

— Как людей не играли? Кого же они играли?

— Выкапываю с того света да разные небольшие фигуры.

Я усмехнулся в словах этого старого учителя.

— Не верите? А вот вам Н. А. Язвенский, Какой талант! А что он играл? Я вам скажу, что. Играл «Сирень птица» в «Драме жизни», играл «Время» в «Сирень птица», был «Наки» в «Сирень птица», был «Наки», охраняющим актером в «Анатоме», теперь играет «Тень от Гамлета». Чехов ни разу не сыграл человека, обыкновенного, смертного человека! Ну, старичок, из это дело?

Старик покачал головой и энергично закивал:

— Да я всех этих «сирень» променяю на одного лая Яву на «Вишневом саду»!

Я ухмылялся при словах, вспоминая такой же правдивый глос рубого записки реалистического искусства: вспоминал Шапана, протестовавшего против переделки Рогова горничного и Хлесткова в аллегорические фигуры.

И Сталинский пенал эту ревность в старом актере, поминший самые ранние выступления его на сцене. Он исполнил заветную мечту Артема и дал ему сыграть его последнюю роль — шедеврскую роль — Кузнецова в «Нахлебнике» Тургенева.

Но была у Артема и еще одна мечта, которая не сбылась: это мечта сыграть со Сталинским «Дон-Кихота».

— Вы будете Дон-Кихот, а я Санчо-Панчо, — говорил он Сталинскому.

И когда тот, улыбаясь, начал рысать, Артем горечиво уговорил его:

— Да кто же на свете лучше нас сыграет «рысать без страха и упрека»? А я буду рысать верным слугой!

Артем хотел со своим перед всеми расказать с чем, чужд он верял еще душой и жизни, — о своем горячем убеждении, что Сталинский — рысать без страха и упрека.

— Да кто же на свете лучше нас сыграет «рысать без страха и упрека»? А я буду рысать верным слугой!

Артем хотел со своим перед всеми расказать с чем, чужд он верял еще душой и жизни, — о своем горячем убеждении, что Сталинский — рысать без страха и упрека.

— Да кто же на свете лучше нас сыграет «рысать без страха и упрека»? А я буду рысать верным слугой!

Артем хотел со своим перед всеми расказать с чем, чужд он верял еще душой и жизни, — о своем горячем убеждении, что Сталинский — рысать без страха и упрека.

— Да кто же на свете лучше нас сыграет «рысать без страха и упрека»? А я буду рысать верным слугой!

Артем хотел со своим перед всеми расказать с чем, чужд он верял еще душой и жизни, — о своем горячем убеждении, что Сталинский — рысать без страха и упрека.

— Да кто же на свете лучше нас сыграет «рысать без страха и упрека»? А я буду рысать верным слугой!

Артем хотел со своим перед всеми расказать с чем, чужд он верял еще душой и жизни, — о своем горячем убеждении, что Сталинский — рысать без страха и упрека.

— Да кто же на свете лучше нас сыграет «рысать без страха и упрека»? А я буду рысать верным слугой!

Артем хотел со своим перед всеми расказать с чем, чужд он верял еще душой и жизни, — о своем горячем убеждении, что Сталинский — рысать без страха и упрека.

— Да кто же на свете лучше нас сыграет «рысать без страха и упрека»? А я буду рысать верным слугой!

Артем хотел со своим перед всеми расказать с чем, чужд он верял еще душой и жизни, — о своем горячем убеждении, что Сталинский — рысать без страха и упрека.